

ШАМАНСТВО У БОХАЙЦЕВ И ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Эрнст Владимирович ШАВКУНОВ,
доктор исторических наук, профессор

В настоящее время собран значительный по объёму археологический материал, позволяющий довольно детально охарактеризовать шаманство населения Приморского края во времена существования государства Бохай (698—926 гг.) и Золотой империи чжурчжэней (1115—1234 гг.), известной также под китайским названием Цзинь. Интерес к этому виду религиозного воззрения средневековых жителей Приморья не случаен, так как изучение его в какой-то степени может пролить дополнительный свет на характер социальных и этнокультурных процессов в рассматриваемое время, а также на истоки шаманства современного аборигенного населения юга Дальнего Востока России.

О широком распространении шаманства у бохайцев свидетельствуют многочисленные и довольно разнообразные находки атрибутов шаманского культа. Особое место среди них занимают отлитые из меди фигурки всадников на конях, две из которых (рис. 4—5) обнаружены в датируемом бохайским временем верхнем слое поселения Синие Скалы в Ольгинском районе, третья (рис. 6) — на территории современного г. Уссурийска, а четвёртая (рис. 4) — в Дунцзинчэне (3, с. 135—136).

Кроме того, на Абрикосовском селище в Уссурийском районе обнаружены две керамические фигурки всадников, правда, без коней, которые отломались ещё в те далёкие времена. Обе фигурки вылеплены из глины отдельно от коней, а затем посажены на них верхом. Как это видно на примере первой фигурки (рис. 2), достигающей в высоту 4,1 см, концы её ног были скреплены с боками тулова коня путём тщательного втирания глины, но при этом древний ваятель несколько перестарался, и концы ног у всадника получились настолько тонкими, что даже при слабом ударе, например при падении с небольшой высоты, они непременно должны были сломаться, в результате чего всадник оказался отделившимся от коня. Тем не менее, судя по специфическому положению рук, почти в деталях совпадающих с положением рук некоторых чжурчжэньских медных всадников, а главное, по форме широко расставленных в виде изогнутых полудугой ног, как бы охватывающих круп коня, эта

фигурка, несомненно, принадлежит всаднику. У второй фигурки (рис. 1) высотой сохранившейся части в 3,3 см ноги полностью отломаны, однако и в данном случае, судя по характерному для скачущего на коне человека наклону вперёд туловища и головы, она также принадлежит всаднику.

К этому перечню можно добавить обнаруженные в датированном предшествующим Бохаю мукрийским (мохэским) временем жилище вблизи с. Осиновки Михайловского района две керамические скульптурки коней (5, с. 184, рис. 61), поскольку они, как и всадники на конях, также олицетворяли верховное солнечное божество. Ещё одна керамическая скульптурка коня (рис. 7) обнаружена на вспаханной поверхности многослойного Николаевского городища в Партизанском районе. К сожалению, у коня отсутствуют голова с шеей и хвост, а от ног сохранились лишь их основания в виде небольших выступов. В то же время круп скульптурки коня аналогичен осиновским экземплярам, а шея, судя по её остаткам, вытянута вверх, что также характерно для коней. Поскольку на этом городище зафиксирован бохайский слой, этот факт с учётом большого сходства скульптурки с осиновскими позволяет датировать её бохайским временем.

Анализ этих фигурок позволил установить, что они олицетворяли собой верховное солнечное божество типа древнетюркского *Ульгена*, творца Вселенной и человека, от которого зависели благосостояние и здоровье человека. У нанайцев это божество известно под именем *Эндури* (7, с. 136—138; 9, с. 160—162). В связи со сказанным интересно отметить, что изображения коней имеются и на нанайских иконах *бырка-гирки* (4, с. 228, табл. XXVI-66).

С шаманской культовой атрибутикой бохайцев, несомненно, связана и вырезанная из трубчатой кости какого-то крупного животного фигурка ящерицы (рис. 8) из Константиновского-1 селища Октябрьского района. Длина её 10,4 см. У неё небольшая «змеиная» головка с просверленным сверху отверстием для того, чтобы с помощью продетого через него шнура фигурку можно было бы носить подвешенной на шее или на поясе. Хвост длинный, постепенно сужающийся к концу, с тремя поперечными желобками, при помощи которых, очевидно, отмечалась характерная для ящериц ячеистость хвоста. На спине вырезана ромбическая сетка из девяти ячеек, причём в четырёх ячейках на правой половине спины и в пяти на левой имеются неглубокие лунки. Вдоль позвоночника прочерчены две узкие параллельные линии. На животе имеется сильно залощённая сравнительно глубокая и широкая лунка диаметром 0,9 см. Её наличие, возможно, указывает на то, что это изделие использовалось ещё и в качестве упора для деревянной палочки от лучкового огнива.

Изображения вырезанных из дерева ящериц, в том числе со стоящими или сидящими на них фигурками духов, широко использовались нанайскими шаманами во время исполнения ими различных культовых обрядов (4, табл. XXIII-55, 57). Их изображения имеются и на одежде нанайских шаманов (4, с. 260, 263, 264).

О сакральной сущности этого изделия свидетельствует наличие на спине девяти лунок, отражающих, вне всякого сомнения, число месяцев беременности женщины. Обращает в этой связи на себя внимание тот факт, что на нанайских иконах *бырка-гирки* можно встретить изображения девяти змей, девяти птиц, девяти коней, девяти людей (4, с. 228, табл. XXVI-66). Некоторые нанайские комплексные *сеоны*, т.е. шаманские духи, также состояли из девяти изображений (4, с. 227, табл. XXIV-61). Непременной принадлежностью нанайских шаманов были и девять круглых камушков (4, с. 262).

Тому, что рассматриваемая фигурка ящерицы использовалась как составная часть лучкового огнива, удивляться не приходится, так как огонь у всех народов древности почитался в качестве божественной очистительной силы, персонификации солнечного божества на земле. Кстати, поклонение огню было широко распространено и у потомков бохайцев — чжурчжэней (9, с. 156—159) и нанайцев (4, с. 233).

На Константиновском-1 селище обнаружено и вырезанное из кости изображение черепахи длиной 2,7 см (рис. 9), у которой, к сожалению, отломан хвост. Как и у ящерицы, у неё через миниатюрную «змеиную» головку также просверлено отверстие. На спине вырезаны пересекающиеся между собой косые линии, образующие сетку с ромбическими ячейками, которыми обозначен зор панциря, а на брюшке вырезано несколько прямых продольных линий.

Касаясь вопроса о назначении изображений ящерицы и черепахи, небезынтересно будет отметить, что они широко использовались народами Приморья и Приамурья в качестве медицинских *онгонов* и их изображения можно встретить у нанайских шаманов в числе прочих *сеонов* (4, с. 228, табл. XXV-65). Нивхи считали, что ящерицы и черепахи являлись источником ряда тяжёлых заболеваний — якобы они могли через рот спящего человека проникнуть ему в грудь и желудок, в результате чего человек заболел и мог даже умереть. Чтобы исцелить его, шаман изгонял из тела больного забравшихся в него пресмыкающихся, после чего этот человек должен был носить подвешенными на шее изображения ящерицы и черепахи в качестве амулета (2, с. 66, 68). Эвенки же при трудных родах привязывали к животу роженицы живых тритонов и ящериц, которые должны были ускорить разрешение от бремени (2, с. 56). Судя по всему, главное назначение фигурки ящерицы из Константиновского-1 селища состояло в использовании её в качестве амулета роженицы.

На вспаханной поверхности Николаевского городища в Партизанском районе помимо рассмотренной выше керамической скульптурки коня были обнаружены ещё три керамические скульптурки — одного животного и двух птиц.

Скульптурка животного длиной 6,7 см (рис. 10) сильно повреждена. У неё отсутствуют голова, левая передняя и левая задняя ноги, а правая передняя нога сохранилась лишь наполовину. Хвост кургузый, как у медведя, и обозначен небольшим выступом, а массивное туловище больше всего напоминает туловище медведя.

Изображения медведя часто фигурируют среди *сеонов* нанайских шаманов (4, табл. XXII-51, XXIII-57, XXV-65). Такая популярность медведя объясняется тем, что он считался одним из главных медицинских *онгонов*. Сделанные по совету шамана из различных материалов фигурки медведей носили подвешенными на шее или на груди при болях в руках, кровотечениях из носа и после родов (2, с. 10, 20, 31).

Одна из скульптурок птиц длиной 5,1 см (рис. 11) из Николаевского городища больше всего напоминает чомгу, или водяную курочку. Кончик клюва у неё отломан, а на голове имеется хохолок или гребешок. Под хвостом небольшое отверстие, от которого в обе стороны отходят неглубокие желобки, сходящиеся к центру живота. Судя по всему, это след от какого-то деревянного приспособления со штырьками, на которые насажены эта и другие скульптурки птиц и животных, аналогию чему можно встретить на нанайских комплексных *сеонах*.

Вторая скульптурка птицы высотой 3,9 см (рис. 12) из этого же городища представляет собой изображение либо петуха, либо феникса. Птица водру-

жена на расширяющуюся книзу подставку, основание которой имеет слегка вогнутую поверхность. Её ноги обозначены двумя сходящимися книзу на конус резными линиями на каждой из боковых сторон подставки. На голове имеется широкий и сравнительно высокий гребень, а под ним с левой стороны большей налепной глаз круглой формы, тогда как с правой стороны он давно отслоился. Конец хвоста отломан, а на месте излома видно небольшое отверстие. Сейчас трудно сказать, предназначалось ли это отверстие для насадки скульптурки на штырёк или оно случайного происхождения.

От всех перечисленных выше керамических скульптурок эта отличается цветом глины. Так, если остальные скульптурки имеют красновато-оранжевый цвет, то фигурка феникса — беловато-серого, а местами и цвета слоновой кости. Данное обстоятельство свидетельствует, возможно, о том, что фигурка была изготовлена не бохайцами, а чжурчжэнями. В пользу этого предположения говорит и тот факт, что во время раскопок на городище остатков парадной арки воздвигнутого при чжурчжэнях буддийского монастыря было обнаружено несколько больших керамических скульптур феникса на полках внутри подставках, а точнее раструбах (6, табл. 8, рис. 3), с которыми почти в деталях совпадает рассмотренная выше скульптурка феникса.

Большой интерес представляет обнаруженное вблизи с. Кишинёвки Лазовского района выточенное из стеатита наверхие со сквозным вертикальным конусовидно расширяющимся книзу отверстием для насадки его на шаманский посох в виде трапециевидного бруска высотой 8,5 см, толщиной 4,5 см и наибольшей шириной в верхней части 7,5 см с изображением на одной стороне человеческого черепа, а на противоположной — черепа какой-то птицы (рис. 20). По поверью нанайцев, череп считался вместилищем души человека в том случае, если она по каким-то причинам не смогла попасть в *буни*, т.е. в расположенный под землёй загробный мир. Что касается черепа птицы, то, по поверью многих народов, в том числе и нанайцев, душа человека имела вид птицы, которая вскоре после его смерти покидала телесную оболочку покойного и улетала в царство душ, где какое-то время местом её пребывания становилось огромное родовое дерево. Впоследствии эта птица-душа, спустившись на землю, попадала в лоно женщины и вновь возрождалась к жизни, вселившись в тело новорожденного (8, с. 117). Всё сказанное с учётом ряда других фактов свидетельствует о том, что будучи насаженным на шаманский посох или жезл это наверхие использовалось в ритуальных целях во время камланий (8, с. 113—118).

Как известно, неперменной принадлежностью шаманского убранства являются подвески из костей животных, а также клыков и резцов кабарги, медведя и кабана (рис. 13—17) с просверленными отверстиями для подвешивания их к шаманскому поясу. Подобные подвески в большом количестве обнаружены на Николаевском-II и Марьяновском городищах, Новогордеевском и Константиновском-I селищах. Их назначение состояло в том, чтобы с помощью производимого ими во время шаманских плясок шума отпугивать зловредных духов.

На Марьяновском городище в Кировском районе обнаружены остатки полужемлянки шамана с выложенным по периметру камнями очагом прямоугольной формы в центре жилища. В зольнике очага были обнаружены воткнутое в него остриём вниз два железных ножа — результат каких-то ритуальных действий. На полу жилища обнаружен коготь медведя с просверленным у

основания отверстием (рис. 19), которое указывает на то, что его носили в подвешенном виде с целью отпугивания зловредных духов. Здесь же найдены две шумовые кости с отверстиями для шнура, при помощи которого они подвешивались к шаманскому поясу, обточенный астрагал (альчик), применявшийся в игре в кости и гадании, а также изготовленный из рога, очевидно, буйвола декорированный сложным рисунком частично повреждённый у основания держатель кресала (рис. 18). Длина хорды сохранившейся его части составляет 20,5 см. Само кресало скобкообразной формы лежало на полу в 15 см от держателя. Анализ рисунка позволил установить, что держателю был придан вид змеедракона, который мыслился в качестве властителя небесных стихий, в том числе грома и молний. При добывании с помощью этого кресала огня голова змеедракона была обращена вниз, в сторону земли, в чём был заключён глубокий смысл, указывающий на небесную, т.е. сакральную природу высеченного огня, используемого исключительно в ритуальных целях (10, с. 71—74). Следует также отметить, что за пределами полуземлянки вблизи её плечиков обнаружен череп медведя, который когда-то, судя по наличию здесь же следов от небольшой ямки, был водружён на вкопанный в землю шест (11, л. 22—23), как это ещё недавно практиковалось у коренных народов Дальнего Востока России во время медвежьего праздника. Последнее обстоятельство, а также находки на Марьяновском городище подвесного когтя медведя и керамической фигурки медведя на Николаевском городище позволяют высказать предположение о том, что у бохайцев имел распространение культ медведя.

Во время камланий бохайские шаманы приносили духам жертвенную пищу, о чём свидетельствует находка на дне одной из ям на Абрикосовском селище трёх ориентированных пастью на северо-запад собачьих черепов. Как известно, бохайцы употребляли в пищу собак. Однако то обстоятельство, что ни один из них не был расколот с целью извлечения столь лакомой пищи, каковым являлся мозг, позволяет утверждать, что головы собак в данном случае были принесены в жертву каким-то божествам или духам (12, л. 5).

Жертвенную пищу духам приносили и родственные бохайцам чжурчжэни. Об этом свидетельствуют многочисленные находки в золистых заполнениях очажных ям комков карбонированной каши и пережжённых кусочков костей птиц и мелких животных. Более того, на Шайгинском городище в Партизанском районе обнаружен небольшой керамический горшочек, внутри которого находились карбонированные зёрна пшеницы и сильно коррозированный железный пинцет. Снаружи горшочек был покрыт толстым слоем нагара. После его удаления выяснилось, что горшочек был выкрашен в красный цвет, очевидно суриком, а на его стенках имелась круговая надпись из пяти знаков большого чжурчжэньского письма. Учитывая малый объём горшочка (235 кубических см), он не мог служить в качестве кухонной или столовой посуды. Наличие же круговой надписи, представляющей собой, по всей вероятности, какое-то заклинание, а также имитирующая цвет огня красная краска на его стенках, призванные защитить содержимое горшочка от порчи со стороны зловредных духов, говорят в пользу того, что этот горшочек использовался для приготовления жертвенной пищи. Сваренные в нём зёрна извлекались пинцетом и разбрасывались по местам предполагаемого обитания духов-покровителей. Аналогичная по характеру находка сделана и на Ананьевском городище в Надеждинском районе, где был обнаружен доверху наполненный карбонированными зёрнами пшеницы миниатюрный чугунный котелок высотой в

2,2 и диаметром в 3,4 см (9, с. 157). В особых случаях, как показали результаты раскопок на Шайгинском городище, чжурчжэни приносили в жертву десятилетних подростков (9, с. 156—157).

Широкое распространение у чжурчжэней получил культ земного и солнечного огня, которого, по их поверью, не переносили зловредные духи. С этим культом связан обычай нанесения на керамическую посуду различных солярных знаков, чаще всего в виде круглого штампа с заключённым внутри него рельефным крестом или розетки из двух и четырёх перекрещенных между собой простых крестов. Как полагали чжурчжэни, солярные знаки на посуде закрывали злым духам доступ к содержащейся в ней пище и благодаря этому предохраняли её от порчи (9, с. 157—158).

Вера в охранные свойства солнечного огня нашла своё проявление в ориентировке жилищ входом преимущественно на солнечную сторону, в помещении в ямы-зернохранилища бронзовых зеркал, которые отражаемым ими солнечным светом отгоняли злых духов, в изгнании вселившихся в те или иные изделия злых духов окуриванием дымом путём помещения их в дымоходные каналы кана или в основание дымоотводной трубы и т.п.

Столь многочисленные примеры проявления культа огня в том числе солнечного свидетельствуют о том, что в системе религиозных представлений чжурчжэней солнцу и его свету отводилась одна из главенствующих ролей, а следовательно, солнце рассматривалось ими в качестве высшего божества. А то, что это было именно так, свидетельствуют находки на Шайгинском городище трёх медных скульптурок всадников на лошадях (рис. 21—23), подобных тем, что имели распространение у бохайцев. Длина этих скульптурок от морды до конца хвоста лошади достигает 8,9 см, 8 см и 7,5 см. Там же были обнаружены семь отлитых из бронзы стилизованных антропоморфных фигурок мужчин и женщин (рис. 24—30), иконографически мало чем отличающихся от нанайских *аджеха*, или *здэхэ*, выполняющих роль духов-посредников между людьми и верховным солнечным божеством — древнетюркским *Ульгем* и нанайским *Эндури* (7, с. 138—139). Длина фигурок духов-посредников колеблется от 7 до 8,8 см, головы овальные, причём на большинстве из них прочерчены рты и даже глаза. Туловище имеет вид длинного уплощённого стерженька, причём у некоторых из них в районе плеч имеются небольшие выступы, имитирующие руки. На груди чуть ниже шеи просверлены отверстия для подвешивания их на шнурке. Ноги изображены либо в виде двух коротких стерженьков, либо же вертикальной прорезью.

Следует отметить, что в двух случаях пара фигурок духов-посредников, мужчина и женщина, были обнаружены вместе со всадниками на конях, причём у одной пары фигурка мужчины отличалась от женщины более высоким ростом, а у другой — ростом и наличием мужского полового органа в виде небольшого овального выступа (7, с. 131—133). Тот факт, что все эти фигурки были обнаружены вместе, говорит о том, что они представляли собой единый комплекс подобно тому, как это можно видеть на нанайских охотничьих божницах — *нюрха(н)*, где, кстати, одна из фигурок духов-посредников представляла собой мужчину, а другая — женщину (7, с. 138).

На этих же божницах встречаются и изображения драконов, причём иногда со стоящими или сидящими на них людьми. Поэтому нет ничего удивительного в том, что на Шайгинском городище были обнаружены две целые и одна в виде обломка бронзовые подвесные фигурки громовников в виде уплощённых изображений змеедраконов с сидящими на них верхом человек-

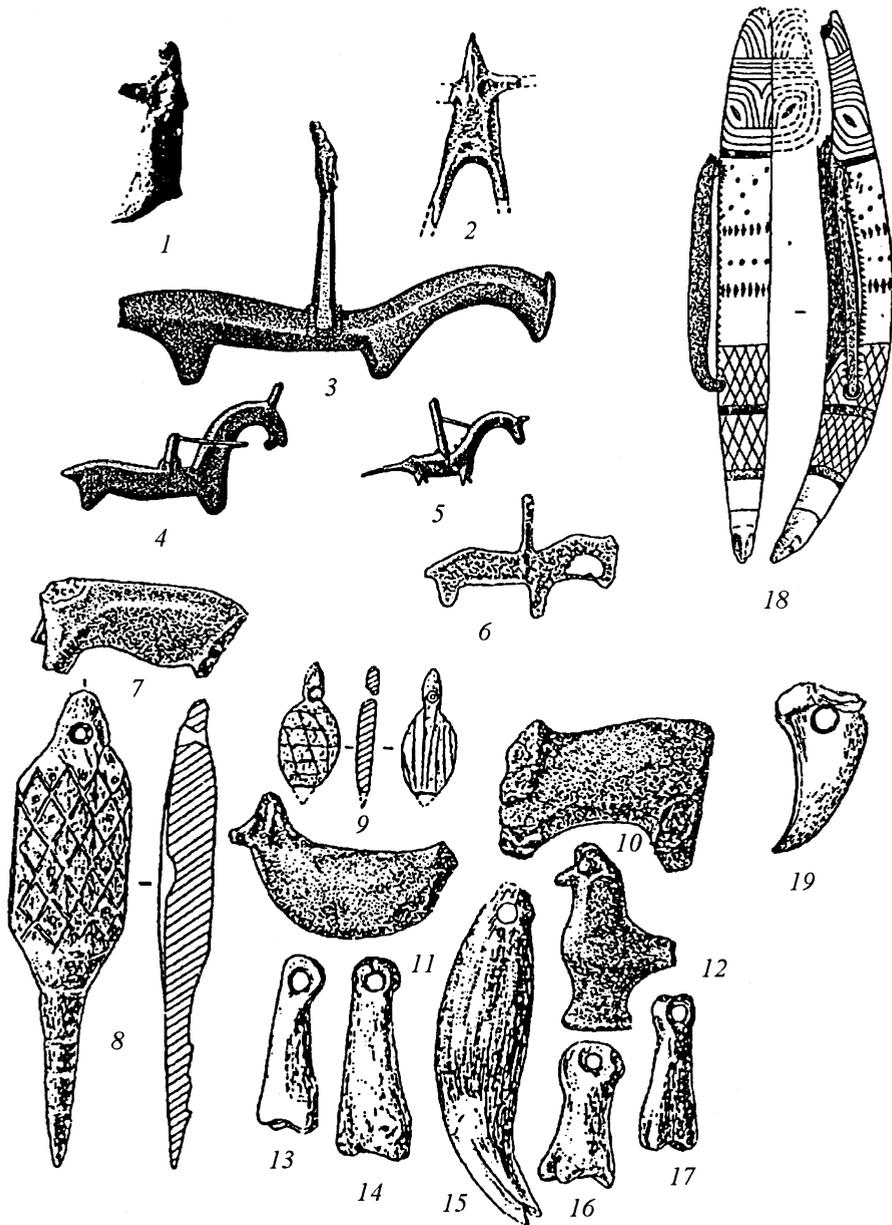
ками (рис. 31—32). Ещё одна такая фигурка найдена на месте золоторазработок чжурчжэней вблизи г. Находки. Змеедраконы не имеют ног. В них народы Приамурья видели зооморфную персонификацию духа грома и молнии, якобы обладающих способностью поражать и отпугивать зловредных духов (3, с. 233, 278, 316, 374). Характерной особенностью сидящих на змеедраконах человечков является то, что руки у них упираются в бока, образуя так называемую фертообразную фигуру, напоминающую собой русскую букву «Ф». Такой изобразительный приём с глубокой древности применялся тюркоязычными народами Южной Сибири с целью показа рук в положении упора ладонями на бёдра с широко расставленными по сторонам локтями (3, с. 114—116, рис. 44—45). С чжурчжэньскими громовниками вне всякого сомнения генетически связаны удэгейские *боко*, правда, отличающиеся от чжурчжэньских прототипов тем, что одна из рук *боко* со временем трансформировалась в горб, а другая — в бубен. Как полагали удэгейцы, в этом бубне таился испускаемый *боко* гром (7, с. 140), призванный отпугивать злых духов.

Таким образом, на Шайгинском городище были обнаружены все главные персонажи шаманских божниц нанайцев и удэгейцев, которые преемствовали их у своих далёких предков — бохайцев и чжурчжэней (9, с. 164).

Чрезвычайно популярным у чжурчжэней был культ предков, о чём свидетельствуют многочисленные находки бронзовых фигурок людей, олицетворявших духов предков. Их обнаружено свыше 20 экземпляров (рис. 35—40). Высота их варьирует в пределах от 3 до 6,5 см. Иконографически они имеют много общего с древнетюркскими каменными бабами и почти полностью тождественны некоторым бронзовым антропоморфным фигуркам VI—VIII вв. древних тюрков (9, с. 135, 165), из чего можно заключить, что культ предков с его атрибутикой был заимствован средневековым населением Приморья от древних тюрков. Несмотря на небольшие размеры фигурок, чжурчжэньские мастера сумели передать им не только некоторые детали одежды, характер причёсок, наконец, монголоидность лица, но даже выражение самих лиц, как правило, строго индивидуальное. Иначе говоря, этим фигуркам стремились передать портретное сходство с умершими родственниками. Каждая из этих фигурок имеет на голове колечко, через отверстие которого продевался шнур и с его помощью их подвешивали, очевидно, на шею. Их назначение состояло в том, чтобы дух покойного, вселённый шаманом в фигурку, во всём помогал живым родственникам.

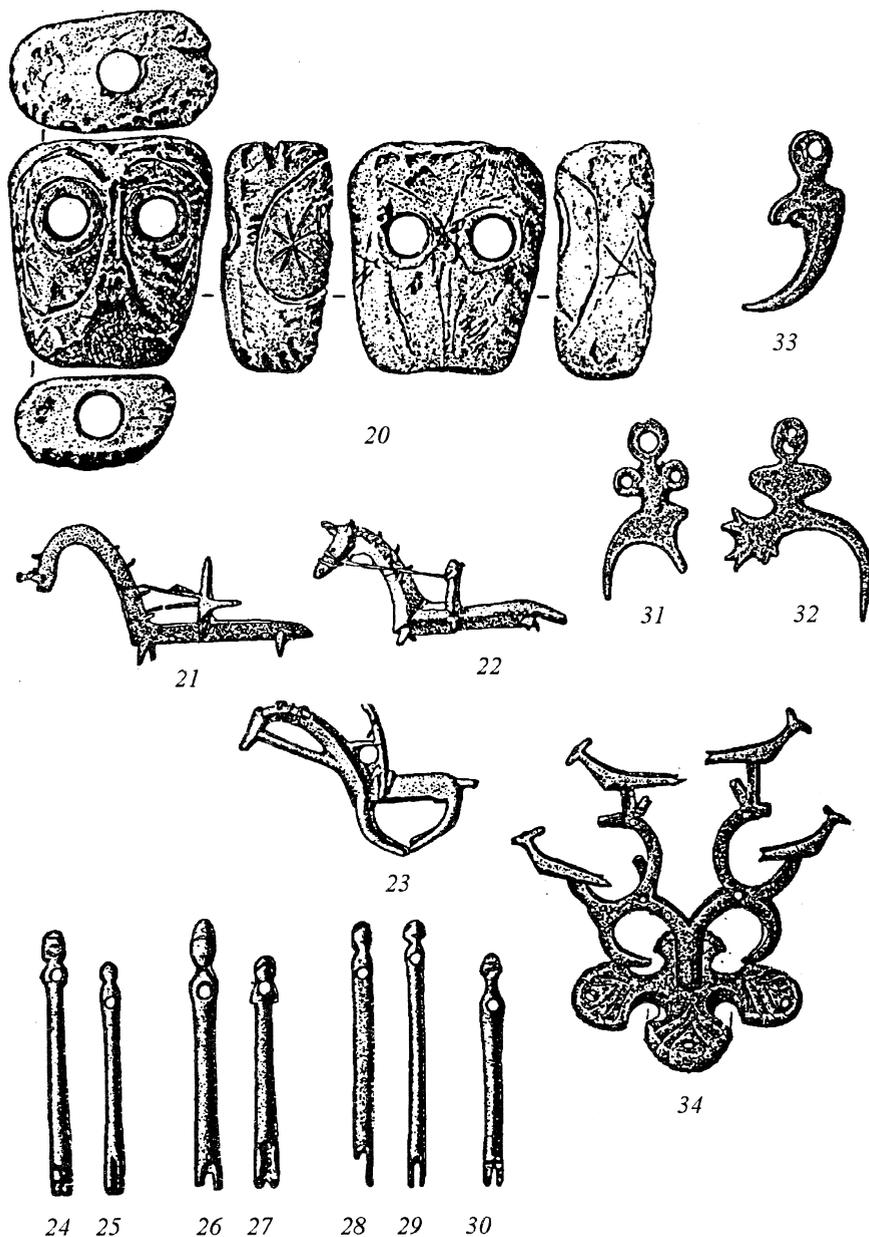
Выше уже говорилось о преемственности шаманизма современных тунгусоязычных народов юга Дальнего Востока России от чжурчжэней. Ещё одним подтверждением сказанному служит находка на Шайгинском городище бронзового нашивного навершия, возможно, от головного убора чжурчжэньского шамана в виде дерева с сидящими на его ветвях птицами (рис. 34). Согласно поверью нанайцев, это не что иное, как незримо растущее во вселенной мифическое родовое дерево, на ветвях которого «жили и плодились будто бы души людей-сородичей, воплощавшиеся в последующих поколениях того рода, которому принадлежало во вселенной это мифическое дерево начала жизни. Зародыши будущих людей — ещё не воплотившиеся в женщин родовые души — мыслились в виде птичек *чока*, спускающихся по ветвям дерева всё ближе к земле. Спустившись на землю, *чока*, полагали нанайцы, вселялись в утробы женщин своего рода, давая начало новому потомству» (1, с. 114).

На левом берегу р. Ратной напротив Шайгинского городища случайно был обнаружен отлитый, судя по всему, чжурчжэньским мастером из бронзы

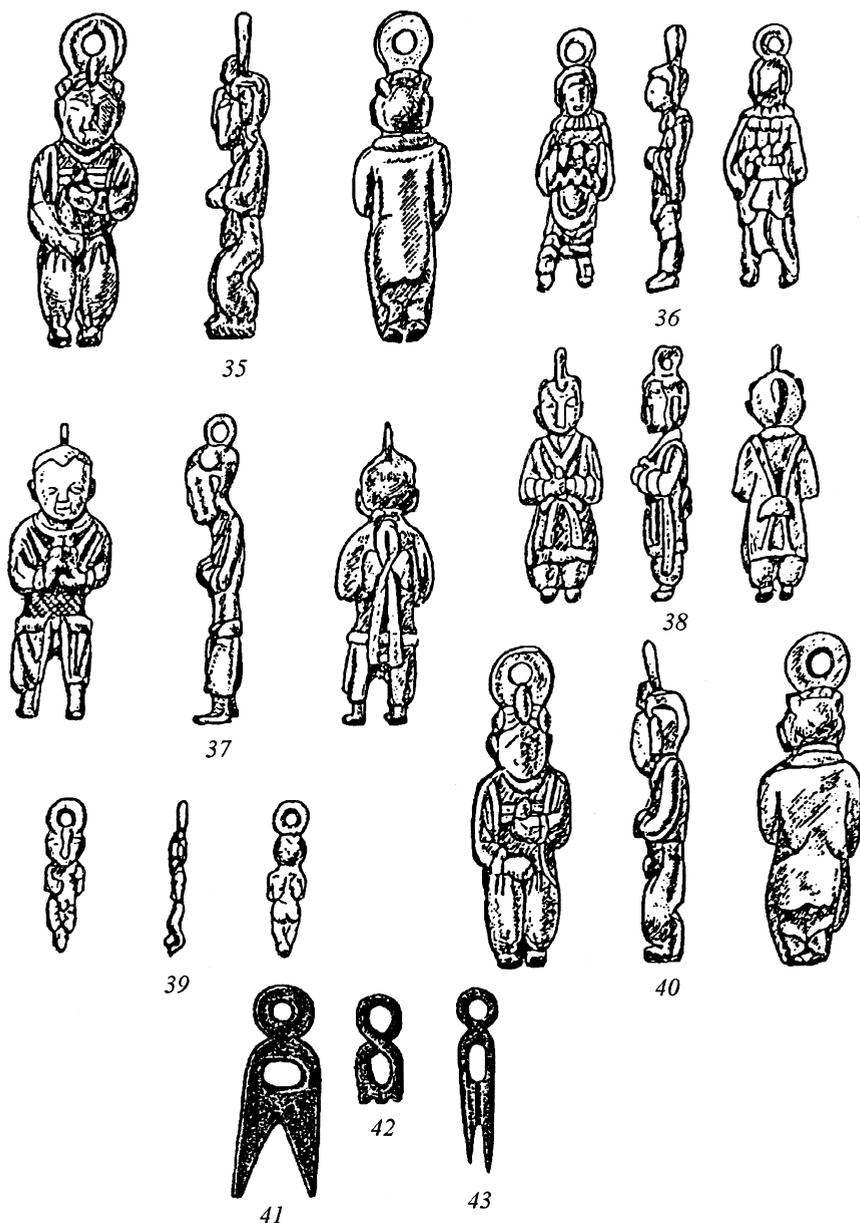
коготь не то тигра, не то медведя (рис. 33) с отверстием для шнура специально приданному к основанию когтя овальному ушку. Его назначение, по всей вероятности, было таким же, как и упомянутого выше подвешного когтя из бохайского слоя Марьяновского городища.

Обращают на себя внимание и отлитые из бронзы восьмёркообразные антропоморфные подвешные фигурки, выполненные в крайне условной манере (рис. 41—43). Три из них обнаружены на Шайгинском городище и одна — на месте чжурчжэньских золоторазработок вблизи г. Находки. Отличительной их

особенностью является наличие сквозного отверстия в области груди. Это не что иное, как медицинские *онгоны*, которые использовались нивхами для исцеления от различного рода грудных болезней, например от кашля (2, с. 340—341).

Как видно из изложенного выше, среди шаманской атрибутики бохайцев и чжурчжэней немало таких, аналогии которым встречаются у древних тюрков. Данное обстоятельство говорит в пользу того, что древние тюрки оказали большое влияние на формирование и развитие шаманизма у этих средневековых народов Дальнего Востока. То, что дело обстоит именно таким образом, свидетельствует и наличие в лексике современных тунгусоязычных народов

Приморья и Приамурья большого числа слов и терминов тюркского происхождения, в том числе имеющих прямое отношение к шаманизму. Так, нанайское *конгора*, означающее конусовидные полые внутри железные подвески шаманского пояса, тождественно тувинскому *конгураа*, *конгра* и алтайскому *конура*, *когуру*. Удэгейский *боко* (громовник в виде мифического горбатого карлика) и нанайский *букчэ* (идол), судя по всему, генетически связаны с общетюркским *бук* (злой дух), а нанайские *дюла*, *джулин* — с алтайским *дюла*, означающим душу человека. Довольно много древнетюркских слов имеется и в лексике чжурчжэней (9, с. 165).

Поскольку чжурчжэни не могли контактировать с древними тюрками, так как последние давно уже сошли с исторической арены, то из этого факта можно сделать только один вывод — шаманизм бохайцев, формирование которого в значительной степени проходило под влиянием древних тюрков, был затем унаследован пришедшими им на смену чжурчжэнями. Это обстоятельство даёт основание полагать, что у бохайцев, как и у чжурчжэней, существовал культ предков, а следовательно, и соответствующая атрибутика, которая у чжурчжэней иконографически аналогична древнетюркской. То же самое можно сказать и о громовниках, один из которых в виде изображения змеядракона на держателе кресала уже обнаружен в бохайском слое Марьяновского городища. Что касается отсутствия на бохайских памятниках отлитых из бронзы фигурок духов предков, то это следует, очевидно, объяснять наличием на территории Приморья крайне незначительных залежей медной руды, а значит, и большой дороговизной бронзы, вследствие чего бохайцы в большинстве случаев предпочитали вырезать такие фигурки из дерева. Нет необходимости доказывать, что вырезанные из дерева фигурки духов предков в случае их утери не могли сохраниться до наших дней в земле.

1. Анисимов А.Ф. Общее и особенное в развитии общества и религии народов Сибири. Л.: Наука, 1969. 148 с.
2. Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири: Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.; Л., 1936. 436 с.
3. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. // Тр.Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 22. М.; Л. 1954. 838 с.
4. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские // Зап. О-ва изучения Амурского края. Владивосток, 1922. Т. 17. 370 с.
5. Окладников А.П. Далёкое прошлое Приморья.: (Очерки по древней и средневековой истории Приморского края). Владивосток, 1959. 292 с.
6. Шавкунов Э.В. Раскопки на Николаевском городище (1960—1962 гг.) // Сибирский археологический сборник: Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С. 286—296.
7. Шавкунов Э.В. Медные фигурки всадников с Шайгинского городища и их назначение // Пластика и рисунки древних культур: Первобытное искусство. Новосибирск, 1983. С. 131—143.
8. Шавкунов Э.В. Каменное навершие с личиной-черепом из-под села Кишинёвка // Новые материалы по средневековой археологии Дальнего Востока СССР: Сб. науч. трудов. Владивосток, 1989. С. 113—119.
9. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990. 282 с.
10. Шавкунов Э.В. Уникальный держатель от кресала из Марьяновского городища // Вестн. ДВО РАН. 1996. № 2. С. 71—74.
11. Шавкунов Э.В. Отчёт об археологических исследованиях на территории Приморского края в 1995 году // Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 401.
12. Шавкунов Э.В. Отчёт об археологических раскопках на Абрикосовском селище в Приморском крае в 1996 году // Архив Ин-та ист., археол. и этногр. народов Дальнего Востока ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. № 400.

SUMMARY. Doctor of Historical Sciences, Professor Ernest Shavkunov in his article considers the Bohai and Jurchen shamanism which existed on the territory of the present Primorye (Bohai in 698—926) and the Gold Empire of the Jurchen, also known as Chin in Chinese in 1115—1234. The article is written on the archive sources.

Numerous finds of artifacts of shaman cult of the last in some way contribute to understand the origin of shamanism of the modern aboriginal population of the south of the Far East of Russia.